

ЗИГМУНД ФРЕЙД

ЗАБЫВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ

Фрейд Зигмунд

ЗАБЫВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ

Слова, обычно употребляемые в нашем родном языке, по-видимому, защищены от забывания в пределах нормально функционирующей памяти. Иначе обстоит дело, как известно, со словами иностранными. Предрасположение к забыванию их существует по отношению ко всем частям речи, и первая ступень функционального расстройства сказывается в той неравномерности, с какой мы располагаем запасом иностранных слов в зависимости от нашего общего состояния и от степени усталости. Позабывание это происходит в ряде случаев путем того же механизма, который был раскрыт перед нами в примере "Синьорелли". Чтобы доказать это, я приведу анализ всего только одного, но имеющего целый ряд особенностей, случая, когда забыто было иностранное слово (не существительное) из латинской цитаты. Позволю себе изложить этот небольшой эпизод подробно и наглядно.

Прошлым летом я возобновил - опять-таки во время вакационного путешествия - знакомство с одним молодым человеком, университетски образованным, который, как я вскоре заметил, читал некоторые мои психологические работы. В разговоре мы коснулись - не помню уже почему социального положения той народности, к которой мы оба принадлежим, и он, как человек честолюбивый, стал жаловаться на то, что его поколение обречено, как он выразился, на захирение, не может развивать своих талантов и удовлетворять свои потребности. Он закончил свою страстную речь известным стихом из Виргилия, в котором несчастная Дидона завещает грядущим поколениям отмщение Энею: "Exoriare" ... и т. д. Вернее он хотел так закончить; ибо восстановить цитату ему не удалось, и он попытался замаскировать явный пропуск при помощи перестановки слов: "exoriare(e) ex nostris ossibus ultor".

В конце концов, он с досадой сказал мне: "Пожалуйста, не стройте такого насмешливого лица, словно бы вы наслаждаетесь моим смущением; лучше помогите мне. В стихе чего-то не хватает. Как он, собственно, гласит в полном виде?"

- Охотно, - ответил я и процитировал подлинный текст:

"Exoriare(e) aliquis nostris ex ossibus ultor".

"Как глупо позабыть такое слово! Впрочем, вы ведь утверждаете, что ничего не забывается без основания. В высшей степени интересно было бы знать, каким образом я умудрился забыть это неопределенное местоимение "aliquis".

Я охотно принял вызов, надеясь получить новый вклад в свою коллекцию. "Сейчас мы это узнаем, - сказал я ему, - я должен вас только попросить

сообщить мне откровенно не критикуя все, что вам придет в голову, лишь только вы без какого-либо определенного намерения сосредоточите свое внимание на позабытом слове" (Это обычный путь, чтобы довести до сознания скрытые от него элементы представлений).

"Хорошо. Мне приходит в голову курьезная мысль: расчленив слово следующим образом: a и liquis".

"Зачем?" - "Не знаю". - "Что вам приходит дальше на мысль?" - "Дальше идет так: реликвии, ликвидация, жидкость, флюид. Дознались вы уже до чего-нибудь?".

"Нет, далеко ещё нет. Но продолжайте".

Я думаю, - продолжал он с ироническим смехом, - о Симоне Триентском, реликвии которого я видел два года тому назад в одной церкви в Триенте. Я думаю об обвинении в употреблении христианской крови, выдвигаемом как раз теперь против евреев, и о книге Kleinpaul'a, который во всех этих якобы жертвах видит новые воплощения, так сказать, новые издания Христа".

"Эта мысль не совсем чужда той теме, о которой мы с вами беседовали, когда вы позабыли латинское слово".

"Верно. Я думаю, далее, о статье в итальянском журнале, который я недавно читал. Помнится она была озаглавлена... Что говорит св. Августин о женщинах? Что вы с этим сделаете?".

- Я жду.

"Ну теперь идет нечто такое, что уже, наверное, не имеет никакого отношения к нашей теме".

"Пожалуйста, воздержитесь от критики и..."

"Знаю. Мне вспоминается чудесный старый господин, с которым я встретился в пути на прошлой неделе. Настоящий оригинал. Имеет вид большой хищной птицы. Его зовут, если хотите знать, Бенедикт".

"Получаем, по крайней мере, сопоставление святых и отцов церкви - св. Симон, св. Августин, св. Бенедикт. Один из отцов церкви назывался, кажется, Оригин. Три имени из перечисленных встречаются в наше время, равно как и имя Paul (Павел) из Kleinpaul".

"Теперь мне вспоминается святой Януарий и его чудо с кровью - но мне кажется, что это идет дальше уже чисто механически".

"Оставьте; и святой Януарий, и святой Августин имеют оба отношение к календарю. Не напомните ли вы мне, в чем состояло чудо с кровью святого Януария?"

"Вы, наверное, знаете это. В одной церкви в Неаполе хранится в склянке кровь св. Януария, которая в определенный праздник чудесным образом становится вновь жидкой. Народ чрезвычайно дорожит этим чудом и приходит в сильное возбуждение, если оно почему-либо медлит случиться; как это и было раз вовремя французской оккупации. Тогда командующий генерал - или, может

быть, это был Гарибальди? - отвел в сторону священника и, весьма выразительным жестом указывая на выстроенных на улице солдат, сказал, что он надеется, что чудо вскоре совершится..."

"Ну дальше? Почему вы запнулись?"

"Теперь мне действительно пришло нечто в голову... Но это слишком интимно для того, чтобы я мог рассказать... К тому же я не вижу никакой связи и никакой надобности рассказывать об этом".

"О связи уже я позабочусь. Я, конечно, не могу заставить вас рассказывать мне неприятные для вас вещи; но тогда уже и вы не требуйте от меня, чтобы я вам объяснил, каким образом, вы забыли слово "aliquis".

"В самом деле? Вы так думаете? Ну так я внезапно подумал об одной даме, от которой я могу получить известие, очень неприятное для нас обоих".

- О том, что у неё не наступило месячное нездоровье?

"Как вы могли это отгадать?"

"Теперь это уже не трудно, вы меня достаточно подготовили. Подумайте только о календарных святых, о переходе крови в жидкое состояние в определенный день, о возмущении, которое вспыхивает, если событие не происходит, и недвусмысленной угрозе, что чудо должно совершиться, не то..."

"Вы сделали из чуда св. Януария прекрасный намек на нездоровье вашей знакомой".

"Сам того не зная. И вы думаете действительно, что из-за этого тревожного ожидания я был не в состоянии воспроизвести словечко aliquis?"

"Мне представляется это совершенно несомненным. Вспомните только ваше расчленение а - liquis и дальнейшие ассоциации реликвии, ликвидации, жидкость... Я мог ещё включить в комбинацию принесенного в жертву ребенком св. Симона, о котором вы подумали в связи со словом религия".

"Нет уже, не надо. Я надеюсь, что вы не примите всерьез этих мыслей, если даже они и появились у меня действительно. Зато я должен вам признаться, что дама, о которой идет речь, итальянка и что в её обществе я посетил Неаполь. Но разве все это не может быть чистой случайностью?"

"Можно ли это объяснить случайностью, я предоставлю судить вам самим. Должен только вам сказать, что всякий аналогичный случай, подвергнутый анализу, приведет вас к столь же замечательным "случайностям".

Целый ряд причин заставляет меня высоко ценить этот маленький анализ, за который я должен быть благодарен моему тогдашнему спутнику. Во-первых, я имел возможность в данном случае пользоваться таким источником, к которому обычно не имею доступа. По большей части мне приходится добывать примеры нарушения психических функций в обыденной жизни путем собственного самонаблюдения. Несравненно более богатый материал, доставляемый мне многими пациентами нервными больными, я стараюсь оставлять в стороне во избежание возражений, что данные феномены происходят в

результате невроза и служат его проявлениями. Вот почему для моих целей особенно ценны те случаи, когда нервноздоровый чужой человек соглашается быть объектом исследования. Приведенный анализ имеет для меня ещё и другое значение. Расстройство репродукции исходит здесь изнутри, из самой темы же, в силу того что против выраженного в цитате пожелания бессознательно заявляется протест. Процесс этот следует представить себе в следующем виде. Говоривший выразил сожаление по поводу того, что нынешнее поколение его народа ограничено в правах; новое поколение - предсказывает он вслед за Дидоной отомстит притеснителям. Он высказывает таким образом пожелание о потомстве. В этот момент сюда врезается противоречащая этому мысль. "Действительно ли ты так горячо желаешь себе потомства? Это неправда. В каком затруднительном положении ты бы оказался, если бы получил теперь известие, что ты должен ожидать потомства от известной тебе женщины? Нет, не надо потомства, - как ни нужно оно нам для отмщения".

Мы познакомились ещё с одним механизмом забывания - это нарушение хода мысли силою внутреннего протеста, исходящего от чего-то вытесненного. С этим процессом, который представляется нам более удобопомытным, мы ещё неоднократно встретимся в дальнейшем изложении.

Забывание впечатлений и намерений

Если бы кто-нибудь был склонен преувеличивать то, что нам известно теперь о душевной жизни, то достаточно было бы указать на функцию памяти, чтобы заставить его быть скромнее. Ни одна психологическая теория не была ещё в состоянии дать отчет об основном феномене припоминания и позабывания в его совокупности; более того, последовательное расчленение того фактического материала, который можно наблюдать, едва лишь начато. Быть может теперь забывание стало для нас более загадочным, чем припоминание, с тех пор как изучение сна и патологических явлений показало, что в памяти может внезапно всплывать и то, что мы считали давно позабытым.

Правда, мы установили уже несколько отправных точек, для которых ожидаем всеобщего признания. Мы предполагаем, что забывание есть самопроизвольный процесс, который можно считать протекающим на протяжении известного времени. Мы подчеркиваем, что при забывании намерения происходит известный выбор наличных впечатлений, равно как и отдельных элементов каждого данного впечатления или переживания. Нам известны некоторые условия сохранения в памяти и пробуждения в ней того, что без этих условий было бы забыто. Однако повседневная жизнь дает нам бесчисленное множество поводов заметить, как неполно и неудовлетворительно наше знание. Стоит прислушаться к тому, как двое людей, совместно воспринимавших внешние впечатления, скажем, проделавших вместе путешествие, - обмениваются спустя некоторое время своими воспоминаниями. То, что у одного прочно сохранилось в памяти, другой сплошь да рядом

забывает, словно этого и не было; при этом мы не имеем никакого основания предполагать, чтобы данное впечатление было для него психически более значительно, чем для второго. Ясно, что целый ряд моментов, определяющих отбор для памяти, может ускользать от нас.

Желая прибавить хотя бы немного к тому, что мы знаем об условиях позабывания, я имею обыкновение подвергать психологическому анализу те случаи, когда мне самому приходится что-либо забыть. Обычно я занимаюсь лишь определенной категорией этих случаев, - теми именно, которые приводят меня в изумление, так как я ожидаю, что данная вещь должна быть мне известна. Хочу ещё заметить, что вообще я не склонен к забывчивости (по отношению к тому, что я пережил, не к тому, чему научился!) и что в юношеском возрасте я в течение некоторого короткого времени был способен даже на необыкновенные акты запоминания. В ученические годы для меня было совершенно естественным делом повторять наизусть прочитанную страницу книги, и незадолго до поступления в университет я был в состоянии записывать популярно-научные лекции непосредственно после их выслушивания почти дословно. В напряженном состоянии, в котором я находился перед последним медицинским экзаменом, я, по-видимому, ещё использовал остатки этой способности, ибо по некоторым предметам я давал экзаменаторам как бы автоматические ответы, точно совпадавшие с текстом учебника, который я, однако, просмотрел всего лишь раз с величайшей поспешностью.

С тех пор способность пользоваться материалом, накопленным памятью, у меня постоянно слабеет, но все же, вплоть до самого последнего времени, мне приходилось убеждаться в том, что с помощью искусственного приема я могу вспомнить гораздо больше, чем мог бы ожидать. Если, например, пациент у меня на консультации ссылается на то, что я уже раз его видел, между тем как я не могу припомнить ни самого факта, ни времени, я облегчаю себе задачу путем отгадывания: вызываю в своем воображении какое-нибудь число лет, считая с данного момента. В тех случаях, когда имеющиеся записи или точные указания пациента делают возможным проконтролировать пришедшее мне в голову число, обнаруживается, что я редко когда ошибаюсь больше, чем на полгода при сроках, превышающих 10 лет (Обыкновенно затем в ходе разговора частности тогдашнего первого визита всплывают уже сознательно). То же бывает, когда я встречаю малознакомого человека, которого из вежливости спрашивают о его детях. Когда он рассказывает мне об успехах, которые они делают, я стараюсь вообразить себе, каков теперь возраст ребенка, проверяю затем эту цифру показаниями отца и оказывается, что я ошибаюсь самое большее на месяц, при более взрослых детях на три месяца; но при этом я решительно не могу сказать, что послужило для меня основанием вообразить именно такую цифру. Под конец я до того осмелел, что сам первый теперь высказываю свою догадку о возрасте, не рискуя при этом обидеть отца своей

неосведомленностью насчет его ребенка. Таким образом, я лишь расширяю свое сознательное припоминание, апеллируя к бессознательной памяти, во всяком случае, более богатой.

Итак, я буду сообщать о бросающихся в глаза случаях забывания, которые я наблюдал по большей части на себе самом. Я различаю забывание впечатлений и переживаний, или забывание того, что знаешь, от забывания намерений, т. е. упущения чего-то. Результат всего этого ряда исследований один и тот же: во всех случаях в основе забывания лежит мотив неохоты (Unlust-motiv).

А. Забывание впечатлений и знаний

а) Летом моя жена подала мне безобидный по существу повод к сильному неудовольствию. Мы сидели за table d'hôte'ом vis-à-vis с одним господином из Вены, которого я знал и который, по всей вероятности, помнил и меня. У меня были, однако, основания не возобновлять знакомства. Жена моя, однако, расслышавшая лишь громкое имя своего vis-à-vis, весьма скоро дала понять, что прислушивается к его разговору с соседями, так как от времени до времени обращалась ко мне с вопросами, в которых подхватывалась нить их разговора. Мне не терпелось; наконец, это меня рассердило. Несколько недель спустя я пожаловался одной родственнице на поведение жены; но при этом не мог вспомнить ни одного слова из того, что говорил этот господин. Так как я, вообще, довольно злопамятен, и не могу забыть ни одной детали рассердившего меня эпизода, то очевидно, что моя амнезия в данном случае мотивировалась известным желанием считаться, щадить жену.

Недавно произошел со мной подобный же случай; я хотел в разговоре с близким знакомым посмеяться над тем, что моя жена сказала несколько часов тому назад; оказалось, однако, что мое намерение невыполнимо по той замечательной причине, что я бесследно забыл слова жены. Пришлось попросить её же напомнить мне их. Легко понять, что эту забывчивость надо рассматривать, как аналогичную тому расстройству суждения, которому мы подвержены, когда дело идет о близких нам людях.

б) Я взялся достать для приехавшей в Вену иногородней дамы маленькую шкатулку для хранения документов и денег. В тот момент, когда я предлагал свои услуги, предо мной с необычайной зрительной яркостью стояла картина одной витрины в центре города, в которой я видел такого рода шкатулки. Правда, я не мог вспомнить название улицы, но был уверен, что стоит мне пройти по городу, и я найду лавку, потому что моя память говорила мне, что я проходил мимо неё бесчисленное множество раз. Однако, к моей досаде, мне не удалось найти витрины со шкатулками, несмотря на то что я исходил эту часть города во всех направлениях. Не остается ничего другого, думал я, как разыскать в справочной книге адреса фабрикантов шкатулок, чтобы затем, обойдя город ещё раз, найти искомый магазин. Этого, однако, не потребовалось;

среди адресов, имевшихся в справочнике, я тотчас же опознал забытый адрес магазина. Оказалось, что я действительно бесчисленное множество раз проходил мимо его витрины, и это было каждый раз, когда я шел в гости к семейству М., долго жившему в том же доме. С тех пор как это близкое знакомство сменилось полным отчуждением. Я обычно, не отдавая себе отчета в мотивах, избегал этой местности и этого дома. В тот раз, когда обходил город, ища шкатулки, я исходил в окрестностях все улицы и только этой одной тщательно избегал, словно на ней лежал запрет. Мотив неохоты, послуживший в данном случае виной моей неориентированности, здесь вполне осязателен, Но механизм забвения здесь не так прост, как в прошлом примере. Мое нерасположение относится, очевидно, не к фабриканту шкатулок, а к кому-то другому, о котором я не хочу ничего знать; от этого другого оно переносится на данное поручение и здесь порождает забвение.

в) Контора Б. и Р. приглашает меня на дом к одному из её служащих. По дороге к нему меня занимает мысль о том, что в доме, где помещается фирма, я уже неоднократно был. Мне представляется, что вывеска этой фирмы в одном из нижних этажей бросилась мне когда-то в глаза в то время, когда я должен был подняться к больному в один из верхних этажей. Однако я не могу вспомнить, ни что это за дом, ни кого я там посещал. Хотя вся эта история совершенно безразлична и не имеет никакого значения, я все же продолжаю ею заниматься и в конце концов, прихожу, обычно окольным путем, с помощью собирания всего, что мне приходит в голову, к тому, что этажом выше над помещением фирмы Б. и Р. находится пансион Фишер, в котором мне не раз приходилось навещать пациентов. Теперь я уже знаю и дом, в котором помещается бюро и пансион. Загадкой для меня остается все же, какой мотив оказал здесь свое действие на мою память. Не нахожу ничего, о чем было бы неприятно вспомнить, ни в самой фирме, ни в пансионе Фишер, ни в живших там пациентах. Я предполагаю, что дела не идет о чем-нибудь очень неприятном, ибо в противном случае мне вряд ли удалось бы вновь овладеть забытым с помощью одного окольного пути, не прибегая, как в предыдущем примере, к нашим вспомогательным средствам. Наконец, мне приходит в голову, что только что, когда я двинулся в путь к моему новому пациенту, мне поклонился на улице какой-то господин, которого я лишь с трудом узнал. Несколько месяцев тому назад я видел этого человека в очень тяжелом, на мой взгляд, состоянии и поставил ему диагноз прогрессивного паралича; впоследствии я, однако, слышал, что он оправился, так что мой диагноз оказался неверен. (Если только здесь не было случая "ремиссии", встречающейся и при *dementia paralitica*, ибо тогда мой диагноз был бы все-таки верен). От этой встречи и исходило влияние, заставившее меня забыть, в чьем соседстве находилась контора Б. и Р., и тот интерес, с которым я взялся за разгадку забытого, был перенесен сюда с этого случая спорной диагностики.

Ассоциативное же соединение было при слабой внутренней связи, - выздоровевший, вопреки ожиданиям, был также служащим в большой конторе, обычно посылавшей мне больных, - установлено, благодаря тождеству имен, Врач, с которым я совместно осматривал спорного паралитика, носил то же имя Фишера, что и забытый мною пансион.

г) Заложить куда-нибудь вещь означает в сущности не что иное, как забыть, куда она положена. Как большинство людей, имеющих дело с рукописями и книгами, я хорошо ориентируюсь в том, что находится на моем письменном столе, и могу сразу же достать искомую вещь. То, что другим представляется беспорядком, для меня - исторически сложившийся порядок. Почему же я недавно так запрятал присланный мне каталог книг, что невозможно было его найти? Ведь собирался же я заказать обозначенную в нем книгу "О языке", написанную автором, которого я люблю за остроумный и живой стиль и в котором ценю понимание психологии и познания по истории культуры. Я думаю, что именно поэтому я и запрятал каталог. Дело в том, что я имею обыкновение одалживать книги автора этого моим знакомым и недавно ещё кто-то, возвращая книгу, сказал: "Стиль его напоминает мне совершенно Ваш стиль, и манера думать та же самая". Говоривший не знал, что он во мне затронул этим своим замечанием. Много лет назад, когда я ещё был моложе и больше нуждался в поддержке, мне то же самое сказал один старший коллега, которому я хвалил медицинские сочинения одного известного автора. "Совершенно Ваш стиль и Ваша манера". Под влиянием этого я написал автору письмо, прося о более тесном общении, но получил от него холодный ответ, которым мне было указано мое место. Быть может, за этим последним отпугивающим уроком скрываются ещё и другие, более ранние, ибо запрятанного каталога я так и не нашел; и это предзнаменование действительно удержало меня от покупки книги, хотя действительного препятствия исчезновение каталога и не представило. Я помнил и название книги и фамилию автора.

Другой случай заслуживает нашего внимания, благодаря тем условиям, при которых была найдена заложенная куда-то вещь. Один молодой человек рассказал мне: "Несколько лет тому назад в моей семье происходили недоразумения, я находил, что моя жена слишком холодна, и, хотя я охотно признавал её превосходные качества, мы все же относились друг к другу без нежности. Однажды она принесла мне, возвращаясь с прогулки, книгу, которую купила, так как, по её мнению, она должна была меня заинтересовать. Я поблагодарил её за этот знак "внимания", обещая прочесть книгу, положил её куда-то и не нашел уже больше. Так прошел целый ряд месяцев, в течение которых я при случае вспоминал о затерянной книге и тщетно старался её найти. Около полугода спустя заболела моя мать, которая живет отдельно от нас и которую я очень люблю. Моя жена оставила наш дом, чтобы ухаживать за

свекровью. Положение больной стало серьезным, и моя жена имела случай показать себя с лучшей своей стороны. Однажды вечером я возвращаюсь домой в восторге от поведения моей жены и полный благодарности к ней, подхожу к моему письменному столу, открываю без определенного намерения, но с сомнамбулической уверенностью определенный ящик и нахожу в нем сверху давно исчезнувшую заложенную книгу".

Обозревая случаи закладывания вещей, трудно себе, в самом деле, представить, чтобы оно когда-либо происходило иначе, как под влиянием бессознательного намерения.

д) Летом 1901 года я сказал как-то моему другу, с которым находился в тесном идейном общении по научным вопросам; "Эти проблемы невроза смогут быть разрешены лишь тогда, если мы всецело станем на почву допущения первоначальной бисексуальности индивида". В ответ я услышал: "Я сказал тебе это уже 2,5 года тому назад в Бр., помнишь, во время вечерней прогулки. Тогда ты об этом и слышать ничего не хотел". Неприятно, когда тебе предлагают признать свою неоригинальность. Я не мог припомнить ни разговора, ни этого открытия моего друга. Очевидно, что один из нас ошибся; по принципу *cuī prodest* ошибиться должен был я. И действительно, в течение ближайшей недели я вспомнил, что все было так, как хотел напомнить мне мой друг; я знаю даже, что я ответил тогда: "До этого я ещё не дошел, не хочу входить в обсуждение этого". С тех пор, однако, я стал несколько терпимее, когда приходится где-нибудь в медицинской литературе сталкиваться с одной из тех немногих идей, которые связаны с моим именем, причем это последнее не упоминается.

Упреки жене; дружба, превратившаяся в свою противоположность; ошибка во врачебной диагностике; отпор со стороны людей, идущих к той же цели; заимствование идей - вряд ли может быть случайностью, что ряд примеров забывания, собранных без выбора, требует для своего разрешения углубления в столь тягостные темы. Напротив, я полагаю, что любой другой, кто только пожелает исследовать мотивы своих собственных случаев забывания, сможет составить подобную же таблицу неприятных вещей. Склонность к забыванию неприятного имеет, как мне кажется, всеобщий характер, если способность к этому и не одинаково развита у всех...

В то время когда я работал над этими страницами, со мной произошел следующий, почти невероятный случай забвения. Я просматриваю 1 января свою врачебную книгу, чтобы выписать гонорарные счета, встречаюсь при этом в рубрике июня месяца с именем М-ль и не могу вспомнить соответствующего лица. Мое удивление возрастает, когда я, перелистывая дальше, замечаю, что я лечил этого больного в санатории и в течение ряда недель я посещал его ежедневно. Больного, с которым бываешь занят при таких условиях, врач не забывает через каких-нибудь полгода. Я спрашиваю себя: кто бы это мог быть -

мужчина, паралитик, неинтересный случай? Наконец, при отметке о полученном гонораре мне опять приходит на мысль все то, что стремилось исчезнуть из памяти. М-ль была 14-летняя девочка, самый замечательный случай в моей практике за последние годы; он послужил мне уроком, который я вряд ли забуду, и исход его заставил меня пережить не один мучительный час. Девочка заболела несомненной истерией, которая под влиянием моего лечения обнаружила быстрое и основательное улучшение. После этого улучшения родители взяли от меня девочку; она ещё жаловалась на боли в животе, которым принадлежала главная роль в общей картине истерических симптомов. Два месяца спустя она умерла от саркомы брюшных желез. Истерия, к которой девочка была, кроме того, предрасположена, воспользовалась образованием опухоли как провоцирующей причиной, и я, будучи ослеплен шумными, но безобидными явлениями истерии, быть может не заметил первых признаков подкрадывающейся фатальной болезни.

Таким образом, даже у здоровых, не подверженных неврозу людей, можно в изобилии найти указания на то, что воспоминания о тягостных впечатлениях и представления о тягостных мыслях наталкиваются на какое-то препятствие. Но оценить все значение этого фактора можно, лишь рассматривая психологию невротиков. Подобного рода стихийное стремление к отпору представлениям, могущим вызвать ощущение неудовольствия, стремление с которым можно сравнить лишь рефлекс бегства при болезненных раздражениях, приходится отнести к числу главных столпов того механизма, который является носителем истерических симптомов... Мы видим, что многое забывается по причинам, лежащим в нем же самом, там, где это не возможно, тенденция отпора передвигает свою цель и устраняет из нашей памяти хотя бы нечто иное, не столь важное, но находящееся в ассоциативной связи с тем, что собственно и вызвало отпор...

Совершенно так же, как при забывании имен, может наблюдаться ошибочное припоминание и при забывании впечатлений; и в тех случаях, когда оно принимается на веру, оно носит название обмана памяти... Я приведу случившийся со мной самим своеобразный пример обмана памяти, на котором можно с достаточной ясностью видеть, как этот феномен мотивируется бессознательным вытесненным материалом и как он сочетается с этим последним...

В то время, когда я писал позднейшие главы моей книги о толковании снов, я жил на даче, не имея доступа к библиотекам и справочным изданиям, и был вынужден в расчете на позднейшее исправление, вносить в рукопись всякого рода указания и цитаты по памяти. В главе о снах наяву мне вспоминалась чудесная фигура бледного бухгалтера из "Набоба" Альфонса Доде, в лице которого поэт, вероятно, хотел изобразить свои собственные мечтания.

Мне казалось, что я отчетливо помню одну из тех фантазий, какие вынашивал этот человек (я назвал его Mr. Jocelyn), гуляя по улицам Парижа, я начал её воспроизводить по памяти: как господин Jocelyn смело бросается на улице навстречу понесшейся лошади и останавливает ее; дверцы отворяются и из экипажа выходит высокопоставленная особа, жмет господину Jocelyn руку и говорит ему: "Вы мой спаситель, я обязана вам жизнью. Что я могу для вас сделать?"

Я утешал себя тем, что ту или иную неточность в передаче этой фантазии нетрудно будет исправить дома, имея книгу под рукой. Но когда я перелистал "Набоб" с тем, чтобы выправить это место моей рукописи, уже готовое к печати, я, к величайшему своему стыду и смущению, не нашел там ничего похожего на такого рода мечты. Mr. Jocelyn'a, да и этот бедный бухгалтер назывался совершенно иначе: Mr. Joyeuse. Эта вторая ошибка дала мне скоро ключ к выяснению моего обмана памяти. "Joyeuse" - это женский род от слова Joyeux: так именно я должен был бы перевести на французский язык свое собственное имя Freud. Откуда, стало быть, могла взяться фантазия, которую я смутно вспомнил и приписал Доде? Это могло быть лишь мое же произведение, сон наяву, который мне привиделся, но не дошел до моего сознания; или же дошел когда-то, но затем был основательно позабыт. Может быть, я видел его даже в Париже, где не раз бродил по улицам, одинокий, полный стремления, весьма нуждаясь в помощнике и покровителе, пока меня не принял в свой круг Шарко. Автора "Набоба" я неоднократно видел в доме Шарко. Досадно в этой истории то, что вряд ли есть ещё другой круг представлений, к которому я относился бы столь же враждебно, как к представлениям о протекции. То, что приходится в этой области видеть у нас на родине, отбивает всякую охоту к этому, и вообще с моим характером плохо вяжется положение протее. Я всегда ощущал в нем необычайно много склонности к тому, чтобы "быть самому дельным человеком". И как раз я должен был получить напоминание о подобного рода никогда, впрочем, не сбывшихся снах наяву! Кроме того, этот случай дает хороший пример тому, как задержанное - при паранойе победно пробивающиеся наружу - отношение к своему "я" мешает нам и запутывает нас в объективном познании вещей.

Б. Забывание намерений

Ни одна другая группа феноменов не пригодна в такой мере для доказательства нашего положения о том, что слабость внимания сама по себе ещё не может объяснить дефектности функции как забывание намерений. Намерение - это импульс к действию, уже встретивший одобрение, но выполнение которого отодвинуто до известного момента. Конечно, в течение создавшегося таким образом промежутка времени может произойти такого рода изменение в мотивах, что намерение не будет выполнено, но в таком случае оно не забывается, а пересматривается и отменяется. То забывание намерения,

которому мы подвергаемся изо дня в день во всевозможных ситуациях, мы не имеем обыкновения объяснять тем, что в соотношении мотивов появилось нечто новое; мы либо оставляем его просто без объяснения, либо стараемся объяснить психологически, допуская, что ко времени выполнения уже не оказалось потребного для действия внимания, которое, однако, было необходимым условием для того, чтобы само намерение могло возникнуть, и которое, стало быть, в то время имелось в достаточной для совершения этого действия степени. Наблюдение над нашим нормальным отношением к намерениям заставляет нас отвергнуть это объяснение как произвольное, Если я утром принимаю решение, которое должно быть выполнено вечером, то возможно, что в течение дня мне несколько раз напоминали о нем, но возможно также, что в течение дня оно вообще не доходило больше до моего сознания. Когда приближается момент выполнения, оно само вдруг приходит мне в голову и заставляет меня сделать нужные приготовления, для того чтобы исполнить задуманное. Если я, отправляясь гулять, беру с собой письмо, которое нужно отправить, то мне, как нормальному и не нервному человеку, нет никакой надобности держать его всю дорогу в руке и высматривать все время почтовый ящик, куда бы его можно было опустить; я кладу письмо в карман, иду своей дорогой и рассчитываю на то, что один из ближайших почтовых ящиков привлечет мое внимание и побудит меня опустить руку в карман и вынуть письмо. Нормальный образ действия человека, принявшего известное решение, вполне совпадает с тем, как держат себя люди, которым было сделано в гипнозе так называемое, "послегипнотическое внушение на долгий срок". Обычно этот феномен изображается следующим образом: внушенное намерение дремлет в данном человеке, пока не подходит время его выполнения. Тогда оно просыпается и заставляет действовать.

В двоякого рода случаях жизни даже и профан отдает себе отчет в том, что забывание намерений никак не может быть рассматриваемо как элементарный феномен, не поддающийся дальнейшему разложению, и что оно дает право умозаключить о наличности непризнанных мотивов. Я имею в виду любовные отношения и военную дисциплину. Любовник, опаздавший на свидание, тщетно будет искать оправданий перед своей дамой в том, что он, к сожалению, совершенно забыл об этом. Она ему непременно ответит: "Год тому назад ты бы не забыл. Ты меня больше не любишь". Если бы он даже прибег к выше приведенному психологическому объяснению и пожелал бы оправдаться множеством дел, он достиг бы лишь того, что его дама, став столь же проницательною, как врач при психоанализе, возразила бы: "Как странно, что подобного же рода деловые препятствия не случались раньше". Конечно, и она тоже не подвергает сомнению возможность того, что он действительно забыл; она полагает только, и не без основания, что из ненамеренного забвения можно сделать тот же вывод об известном нежелании, как и из сознательного

уклонения.

Подобно этому на военной службе различие между упущением по забывчивости и упущением намеренным принципиально игнорируется - и не без основания. Солдату нельзя забывать ничего из того, что требует от него служба.

Служение женщине, как и военная служба, требует, чтобы ничто, относящееся к ним, не было забываемо, и дает, таким образом, повод полагать, что забвение допустимо при неважных вещах; при вещах важных оно служит знаком того, что к ним относятся легко, стало быть, не признают их важности. И действительно, наличность психической оценки здесь не может быть отрицаема. Ни один человек не забудет выполнить действий, представляющихся ему самому важными, не навлекая на себя подозрения в душевном расстройстве. Наше исследование может, поэтому распространяться лишь на забывание более или менее второстепенных намерений; совершенно безразличным не может считаться никакое намерение, ибо тогда оно, наверное, не возникло бы вовсе.

Так же как и при рассмотренных выше расстройствах функции, я и здесь собрал и попытался объяснить случаи забывания намерений, которые я наблюдал на себе самом; я нашел при этом, как общее правило, что они сводятся к вторжению неизвестных и неприязненных мотивов, или, если можно так выразиться, к встречной воле. В целом ряде подобных случаев я находился в положении, сходном с военной службой, испытывал принуждение, против которого ещё не стал сопротивляться, и демонстрировал против него своей забывчивостью. В силу мучительных переживаний, которые мне пришлось испытать в связи с этим, я не способен выражать свое участие, когда это приходится по необходимости делать в утрированной форме, ибо употребить выражение, действительно отвечающее той небольшой степени участия, которое я испытываю, - непозволительно. С тех пор как я убедился в том, что не раз принимал мнимые симпатии других людей за истинные, меня возмущают эти условные выражения сочувствия, хотя, с другой стороны, я понимаю их социальную полезность. Соболезнование по случаю смерти изъято у меня из этого двойственного состояния; раз решившись выразить его, я уже не забываю сделать это. Там, где импульс моего чувства не имеет отношения к общественному долгу, он никогда не подвергается забвению

Столкновением условного долга с внутренней оценкой, в которой сам себе не признаешься, объясняются также и случаи, когда забываешь совершить действия, обещанные кому-нибудь другому в его интересах. Здесь неизменно бывает так, что лишь обещающий верит в смягчающую вину забывчивость, в то время как просящий, несомненно, дает себе правильный ответ: он не заинтересован в этом, иначе он не позабыл бы. Есть люди, которых вообще считают забывчивыми и потому извиняют, подобно близоруким, которые не

кланяются на улице. Такие люди забывают все мелкие обещания, не выполняют данных им поручений, оказываются таким образом в мелочах ненадежными и требуют при этом, чтобы за эти мелкие прегрешения на них не были в претензии, т. е. чтобы не объясняли их свойствами характера, а сводили к органическим способностям. Я сам не принадлежу к числу этих людей и не имел случая проанализировать поступки кого-либо из них, чтобы в выборе объектов забвения найти его мотивировку; но по аналогии невольно напрашивается предположение, что здесь мотивом, утилизирующим конституциональный момент, для своих целей является необычно крупная доля пренебрежения к другому человеку,

В других случаях мотивы забвения не так легко обнаруживаются и, раз будучи найдены, возбуждают немалое удивление. Так, я заметил в прежние годы, что при большом количестве визитов к больным, я если забываю о каком-нибудь визите, то лишь о бесплатном пациенте или посещении коллегии. Это было стыдно, и я приучил себя отмечать себе ещё утром предстоящие в течение дня визиты. Не знаю, пришли ли другие врачи тем же путем к этому обыкновению. Но начинаешь понимать, что заставляет, так называемого, неврастеника отмечать у себя в пресловутой "записке" все то, что он собирается сообщить врачу. Объясняют это тем, что не питает доверия к репродуцирующей способности своей памяти. Конечно, это верно, но дело происходит обыкновенно следующим образом. Больной чрезвычайно обстоятельно излагает свои жалобы и вопросы; окончив, делает минутную паузу, затем вынимает записку и говорит, извиняясь: "Я записал себе здесь кое-что, так как я все позабываю". Обычно он не находит в записке ничего нового. Он повторяет каждый пункт и отвечает на него сам: "Да, об этом я уже спросил". По-видимому, он лишь демонстрирует своей запиской один из своих симптомов: то именно обстоятельство, что его намерения часто расстраиваются в силу вторжения темных мотивов.

Я коснусь дефектов, которыми страдает большинство взрослых здоровых людей, которых я знаю, если признаюсь, что я сам, особенно в прежние годы, очень легко и на очень долгое время забывал возвращать одолженные книги или, что мне с особенной легкостью случалось, в силу забывчивости, откладывать уплату денег. Недавно я ушел как-то утром из табачной лавки, в которой сделал себе свой запас сигар на этот день, не расплатившись. Это было совершенно невинное упущение, потому что меня там знают и я могу, поэтому ожидать, что на следующий день мне напомнят о долге. Но вообще, что касается таких тем, как деньги и собственность, то даже у так называемых порядочных людей можно легко обнаружить следы некоторого двойственного отношения к ним. Та примитивная жадность, с какой грудной младенец стремится овладеть всеми объектами (чтобы сунуть их в рот), быть может, вообще лишь в несовершенной степени парализовалась культурой и

воспитанием.

Боюсь, что со всеми этими примерами я впал прямо-таки в банальность. Но я только могу радоваться, если наталкиваюсь на вещи, которые все знают и одинаковым образом понимают, ибо мое намерение в том и заключается, чтобы собирать повседневные явления и научно использовать их. Я не могу понять, почему той мудрости, которая сложилась на почве обыденного жизненного опыта, должен быть закрыт доступ в круг приобретений науки. Не различие объектов, а более строгий метод их установления и стремление к всеобъемлющей связи составляют существенный порядок научной работы.

По отношению к намерениям, имеющим некоторое значение, мы в общем нашли, что они забываются тогда, когда против них восстают темные мотивы. По отношению к намерениям меньшей важности обнаруживается другой механизм забывания: встречная воля переносится на данное намерение с чего-либо другого в силу того, что между этим "другим" и содержанием данного намерения установилась какая-либо внешняя ассоциация. Сюда относится следующий пример. Я люблю хорошую пропускную бумагу и собираюсь сегодня после обеда, идя во внутреннюю часть города, закупить себе новый запас. Однако в течение четырех дней подряд я об этом забываю, пока не задаю себе вопроса о причине этого. Нахожу её без труда, вспомнив, что если в письме обозначаю пропускную бумагу словом "Lц schpapier", то говорю я обыкновенно "Fließpapier". "Fließ" же - имя одного из моих друзей в Берлине, подавшего мне в эти дни повод к мучительным мыслям и заботам. Отделаться от этих мыслей я не могу, но склонность к отпору проявляется, переносясь вследствие созвучия слов на безразличное и потому менее устойчивое намерение.

В следующем случае отсрочки непосредственная встречная воля совпадает с более определенной мотивировкой. Я написал небольшую статью о сне, резюмирующую мое "Толкование снов". Г.Бергман посылает мне из Висбадена корректуру и просит её просмотреть немедленно, так как хочет издать этот выпуск ещё до рождества. В ту же ночь я выправляю корректуру и кладу её на письменный стол, чтобы взять с собой утром. Утром я, однако, забываю о ней и вспоминаю лишь после обеда при виде бандероли, лежащей на моем столе. Точно так же забываю я о корректуре и после обеда вечером и на следующее утро; наконец, я беру себя в руки и на следующий день после обеда опускаю её в почтовый ящик, недоумевая, каково могло бы быть основание этой отсрочки. Очевидно, я её не хочу отправить, не знаю только почему. Во время этой же прогулки я отправляюсь к своему венскому издателю, который издал также и мое "Толкование снов", делаю у него заказ и вдруг, как бы под влиянием какой-то внезапной мысли, говорю ему: "Вы знаете, я написал "Толкование снов" вторично" - "О, я просил бы вас тогда..." - "Успокойтесь, это лишь небольшая статья для издания "Lц wiefeld-Kurella". Он все-таки был

недоволен, боялся, что статья эта повредит сбыту книги. Я возражал ему и, наконец, спросил: "Если бы я обратился к вам раньше, вы бы запретили мне издать эту вещь?" - "Нет, ни в коем случае". Я и сам думаю, что имел полное право так поступить, и не сделал ничего такого, что не было бы принято; но мне представляется бесспорным, что сомнение, подобное тому, какое высказал мой издатель, было мотивом того, что я оттягивал отправку корректуры...

По-немецки есть поговорка, выражающая ходячую истину, что забывание чего-нибудь никогда не бывает случайным.

Забывание объясняется иногда также и тем, что можно было бы назвать "ложным намерением". Однажды я обещал одному молодому автору дать отзыв о его небольшой работе, но в силу внутренних, неизвестных мне противодействий все откладывал, пока наконец, уступая его настояниям, не обещал, что сделаю это в тот же вечер. Я действительно, имел вполне серьезное намерение так и поступить, но забыл о том, что на тот же вечер было назначено составление другого, неотложного отзыва. Я понял, благодаря этому, что мое намерение было ложно, перестал бороться с испытываемым мной противодействием - и отказал автору.

После ознакомления с книгой не забудьте купить ее бумажную версию!

Все книги на сайте представлены исключительно в ознакомительных целях.

После скачивания книги и ознакомления с ее содержанием Вы должны незамедлительно ее удалить.

Копируя и сохраняя текст книги, Вы принимаете на себя всю ответственность, согласно действующему законодательству об авторских и смежных правах.

Администрация сайта призывает своих посетителей приобретать книги только легальным путем.